

УДК 314:303.7

Ракачев Вадим Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры
социологии Кубанского государственного университета
тел.: (918) 413-18-47

Rakachev Vadim Nikolaevich

PhD in History, Associate Professor of the Department
of Sociology, Kuban State University
tel.: (918) 413-18-47

КОМПЕНСАЦИОННЫЕ МИГРАЦИИ 1930-х гг. НА КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ

COMPENSATION MIGRATIONS IN THE 1930S IN KUBAN AND STAVROPOL TERRITORY

В статье, на основе уникального архивного материала, свидетельствующего о компенсационных миграциях 1930-х гг., показаны основные цели и механизмы миграционной политики советской власти на Кубани и Ставрополье – важном с экономической и стратегической точки зрения регионе. Опустевшие в результате голода, коллективизации и «кулацкой ссылки» территории необходимо было заселить лояльным советской власти контингентом, основу которого составили демобилизованные красноармейские части.

The main aims and mechanisms of the Soviet migration policy in Kuban and Stavropol territory which was the territory of economic and strategic importance have been shown in the article on the basis of the unique archival material on compensation migrations in the 1930s. It was necessary to populate the deserted after famine, collectivization and "kulak exile" territories by the loyal to the Soviet power contingent that was mostly represented by the Red Army demobilized units.

Ключевые слова: компенсационные миграции, красноармейские колхозы, Ставрополье, Кубань, миграционная политика, административный подход, возвратные миграции.

Key words: compensation migration, Red Army collective farms, Stavropol Territory, Kuban, migration policy, administrative approach, recurrent migration.

В изучение отечественного опыта управления миграционными процессами нельзя обойти вниманием административный подход, активное применение которого в нашей стране характерно для периода 1930-х гг.

Колоссальные задачи, поставленные государством, требовали качественных трудовых ресурсов, освоения новых территорий, средств для проведения индустриализации. Новая власть решала важнейшую для себя задачу – разрушение традиционной культуры, переход общества от экстенсивной к интенсивной социально-исторической модели, радикальному изменению ментальности. Существенным элементом этой новой системы было введение санкций насилия на витальном уровне, что, по мнению советских идеологов, позволит традиционному субъекту более эффективно вписаться в новую систему. В рамках административного подхода в управлении миграцией человек воспринимался как винтик в огромной государственной машине, место которому определяет сама машина, и люди, которые ей управляют.

1930-е гг. – период, в течение которого произошли события, прямо и косвенно повлиявшие на демографическую динамику Кубани и Ставрополья. Массовые выселения жителей станиц, попавших на «черные доски» (так называемая «кулацкая ссылка»), голод 1932–1933 гг. привели к существенному сокращению здесь численности населения. Значительное сокращение численности населения в таком важном с экономической и стратегической точки зрения регионе, могло иметь негативные последствия, чего власть не могла допустить. Для решения проблемы была предпринята попытка заселения этих территорий лояльным советской власти населением – в первую очередь демобилизованными красноармейцами.

20 декабря 1932 г. Реввоенсоветом Союза за подписью заместителя наркома обороны М.Н. Тухачевского была принята секретная директива № 97299 о порядке вербовки, отбора и отправки красноармейцев в Полтавскую и другие станицы [1].

Особо указывалось, что отбор должен проводиться из числа «добросовестных колхозников, хозяйства которых находятся на неудобных землях и в условиях малоземелья». Уроженцы Северного Кавказа и Украины вербовки не подлежали. В составе завербованных должно было быть не менее 40% «тщательно проверенных» членов и кандидатов партии и 20% комсомольцев. С ними проводилась соответствующая идеологическая работа: беседы об экономике Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев, о роли казаков при царизме и Советской власти, о политике партии в вопросах колхозного строительства [2].

Среди переселенцев распространялась брошюра А. Радина и Л. Шаумяна «За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в Северные края», в которой ясно утверждалась мысль – «кто не с нами, тот против нас».

«Районы Кубани позорно отстали в хлебозаготовках... А в станице Полтавской мы имеем, по существу, контрреволюционное выступление против советской власти... Вот причины, которые приве-

ли к тому, что жители станицы Полтавской сурово наказаны советской властью – выселяются с кубанского чернозема за пределы края. Над этими причинами обязаны призадуматься жители и ряда других районов, станиц и сел Северо-Кавказского края... Кубань должна быть очищена от контрреволюционного кулачества и его пособников. Кубань должна быть и будет очагом цветущего социалистического земледелия. Кто не пожелает этого – будет убран с дороги» [3].

В том же русле публикует материалы, обличающие контрреволюционные элементы в станице, местная периодическая печать: «В станице Медведовской орудовал враг», «Лишить паразитов приусадебных земель», «Кулаки, белогвардейцы, лодыри – вот кто хозяйничал в Старокорсунской», «Добьем врага» и др.

Переселение красноармейцев регулировалось государственным переселенческим комитетом, велась строгая документация, материалы которой сегодня рассекречены и находятся на хранении в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ).

При анализе документов в РГАЭ государственного переселенческого комитета обращает внимание на себя масштабность планируемых мероприятий. Так в первоначальной телеграмме начальника Главного управления рабоче-крестьянской красной армии (ГУРККА) Фельдмана в переселенческий комитет от 11.09.1933 г. представляется разнорядка переселяемых красноармейских семейств по районам края: Славянский район – 1 200 чел.; Краснодарский – 2 100; Тихорецкий – 1 150; Тимашевский – 1000; Ейский – 1000; Усть-Лабинский – 800; Брюховецкий – 500; Армавирский – 500; Павловский – 800; Кореновский – 600; Куцевский – 500; Старо-Минский район – 900; Курганинский – 250; Крапоткинский район – 200 чел.; всего 12 000 человек [4].

В отчете о результатах вербовки демобилизованных красноармейцев в Азово-Черноморский и Северо-Кавказский края отмечается, что было предложено завербовать по директиве Замнаркомвоенмора т. Каменева 15 900 семейств, в итоге завербовано 17 280 и фактически отправлено к новому месту жительства 16 681 семейств. Заметно перевыполнение плана, не считая глав семей, членов семей было переселено 34 255 чел. [5]. Средний размер семьи составлял 3 человека, это, как правило, молодые люди, недавно создавшие семью и имеющие одного ребенка.

Переселенцев на Кубань и Ставрополье дали фактически все военные округа. Так Московский военный округ (МВО) направил в регион 4 720 семейств, Белорусский военный округ (БВО) – 4 714, Ленинградский (ЛВО) – 2 486, Приволжский (ПРИВО) – 1 850, Украинский (УВО) – 1 773, Северо-Кавказский (СКВО) – 162, Среднеазиатский военный округ (САВО) – 905, Кавказская краснознаменная армия (ККА) – 71 семейство [6].

Власть понимала, что закрепление вновь прибывших на новых местах напрямую связано с наличием подсобного хозяйства и денежных средств. Несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране, в отчетном документе говорится об отправлении с переселенцами крупного рогатого скота в количестве 3 684 ед. и о расходах по переселению в сумме 2 404 630 р., в число которых входят: выдача пособий, расходы по командировкам, покупка ж/д билетов, продовольствие и фураж на дорогу и др. Из этой суммы наиболее значительную часть составили выданные 100-рублевые пособия каждому завербованному семейству. Для того времени это были довольно значительные деньги.

В РГАЭ находится документ на имя Председателя Всесоюзного переселенческого комитета при СНК СССР, показывающий политику и тактику выделения денежных средств переселенцам-красноармейцам. «Приволжский военный округ по решению крайкомов ВКП(б) Нижней Волги и Урала, сообщает в документе, оставил на территориях последних из числа завербованных красноармейцев на Северный Кавказ 1 098 красноармейцев, из коих всего было поднято со своих мест жительства и возвращено обратно 701 человек и распределено по другим краевым колхозам и совхозам 153 человека. Таким образом, всего было поднято и оставлено на Нижней Волге и Урале 854 красноармейца.

Этим красноармейцам выданы округом подъемные деньги по 100 рублей каждому, всего 85 400 рублей. Приволжский военный округ запрашивает – подлежат ли возврату указанные подъемные деньги.

Считаю, что эти деньги ни в коем случае нельзя требовать обратно, т.к. все 854 красноармейца были подняты со своих мест жительства и тем самым введены в непроизводительные расходы по вине государства» [7].

Определяя переселение на Кубань и Ставрополье как важную политическую задачу, и понимая, что могут обостриться отношения с местным населением, возникнуть вопросы относительно правильности мер репрессий в отношении казачества ГУРККА приказывает выделить спецуполномоченных переселенческого комитета в каждый район, куда переселяются красноармейские семейства и крупные станицы, куда вселяется не менее 300 чел.

Местное население и переселенцы противопоставлялись друг другу, наряду с репрессивными мерами в отношении местных станичников осуществлялась поддержка переселенцев. Методика организации этой поддержки и ее конкретные экономические составляющие прописывались в

постановлениях и распоряжениях.

Так рекомендовалось переселяемые семейства комплектовать в специальные колхозные бригады по 50–60 чел. трудоспособных с учетом членов семьи, а колхозы должны были обеспечить эти бригады орудиями производства, инвентарем, тяглом, с тем, чтобы эти бригады «были бы наиболее сильно технически вооружены». В частности в донесении говорилось «В колхозе обязать МТС первоочередным обслуживанием красноармейских бригад для того, чтобы эти бригады находились в наиболее благоприятных условиях в колхозах» (выделено – В.Р.) [8].

Колхозы несли ответственность за обеспечение красноармейских бригад продуктами (с приложением количества и перечня обязательных). Кроме того колхозы должны были создать специальные хлебные фонды в размере 25–50% потребного до нового урожая для обеспечения исходя из нормы потребления хлеба аналогично численности при вселении красноармейцев в станицу.

Уделялось внимание и бытовым проблемам. Ставилась задача подготовить к приезду красноармейцев отремонтированное жилье, обеспечить его наличием кухонных плиток, гвоздей, стекол. Переселенцам планировалось выделение долгосрочных кредитов на хозяйственное обзаведение исходя из 300 р. на каждое семейство и 100 р. на каждую семью для приобретения скота и птицы [9].

Колхозы, принимавшие переселенцев, так же получали значительные льготы. Предполагалось освободить все колхозы, имеющие переселенческие семьи от индивидуальных поставок молока, мяса, картофеля на 1934–1935 гг. на 100%; освободить посевы колхозов имеющих в своем составе переселенцев-красноармейцев от хлебозаготовок по зерновым, масличным и картофелю на 50% посевного задания красноармейских бригад; все переселенческие красноармейские семьи на 3 года освободить от оплаты с/х налога, кроме того освободить на 1 год от сельскохозяйственных налогов посевы тяглогородные и сенокосные угодья закрепленные, согласно производственных планов, за красноармейскими переселенческими бригадами [10].

Все административные структуры должны были предоставлять отчетную документацию организационного и хозяйственного характера о красноармейских переселенцах. В Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) представлены отчеты и докладные записки политотдела МТС Азово-Черноморского края за 1933 г. о реализации программы закрепления красноармейцев на Кубани. Так, в политдонесении № 6 от 26 декабря 1933 г. начальника политотдела Новоластунской МТС Гатина говорится, что при колхозах «Молот» и «Заря революции», расположенных в ст-це Старолеушковской, организованы 3 полеводческие бригады из переселенцев-красноармейцев. В колхозе «Молот» укомплектованы красноармейцами-переселенцами 2-я и 3-я бригады. Во 2-й бригаде 28 красноармейских семей и 17 семей родственников, в 3-й бригаде того же колхоза 24 семьи красноармейцев и 18 семей родственников, в 3-й бригаде колхоза «Заря Революции» 29 семей красноармейцев и 15 семей родственников. Соответственно трудоспособных 89, 79 и 96 чел. [11].

Как же воспринимали эти льготы сами переселенцы, явились ли они той опорой государства, тем костяком новой колхозной системы, который пыталась создать советская власть? Ведь нельзя снимать со счетов и то, что они направлялись по разнарядке армейских подразделений, соответственно переселение имело «добровольно-принудительный» характер.

Многие переселенцы были искренне рады тому, что попали на Северо-Западный Кавказ. Их восторженные письма сохранились в архивах.

«Наша задача не только построить образцовые колхозы на Кавказе, а доказать всем трудящимся, как мы красноармейцы умеем работать. В условиях Кавказа всего можно добиться. Нужно иметь только старание и желание работать» [12].

«Я попал туда, куда мечтал давно. Вот тут и есть, как мне кажется, и настоящая жизнь... Если пожелаете работать и пить виноградное вино, то просим, пожалуйста» [13].

«Квартира хорошая, огород большой, очень хорошие сады. В избе у нас есть русская печь, топим дубовыми дровами... В нашем доме было оставлено 3 стола, койка деревянная, комод для белья, шкафчик для посуды... хорошая собака, кошка, скамеек 4 штуки – не такие, как у нас, а лучше много раз, а богов и икон так много, что печки топим» [14].

Вместе с тем, возникшие сложности, нерешенность многих бытовых проблем: не подготовленное жилье, задержка посевного материала, задержка выплаты пособий и др. вызывала у переселенцев отрицательные настроения. Среди переселенцев, отмечает источник, шли и такие разговоры: «Если на Кубани будет плохо, то сбежим, а там что будет» [15].

Эти настроения были следствием не только хозяйственных и бытовых проблем, но и психологического климата, которой складывался вокруг переселенцев. Имели место случаи запугивания переселенцев разговорами о голоде, о малярии, мести местных жителей и т.д.

Наивно было бы предполагать, что оставшиеся местные жители восторженно встретили переселенцев. Противостоянию способствовало и материальная поддержка переселенцев на фоне голодного существования казачьих станиц, их идеологическая подготовка.

Документы наполнены цитатами из докладов оперуполномоченных собранных оперативным (через осведомителей) путем. В разговорах местные жители отнюдь не радушно встречали вновь прибывших: «... Вы приехали на голодную смерть, с казаками не уживетесь, уезжайте обратно и т.п.» [16].

В отдельных случаях наблюдалось открытое противостояние местных жителей и переселенцев.

Так «в ст. Васюринской переселенцу Коновалову была подброшена анонимка следующего содержания: "... Если будешь жить тут, то приду и убью". В ст. Крыловской 31.10. возле дома переселенца Артеменко был произведен выстрел сыном кулака, высланного на Север, пытавшегося затем ворваться в дом переселенца...» [17].

«Хорошей жизни Вам на Кубани не будет, придется умирать от голода и малярии, выезжайте обратно (ст. Тимашевская, ст. Поповическая)» [18].

Все это имело определенные последствия, стали наблюдаться случаи возвращения некоторых переселенцев на прежние места.

Несмотря на то, что переселенческая политика к концу 1933–1934 г. принимает более масштабные формы, и регион принимал переселенцев с Урала, из центральных областей России, из южнорусских и украинских областей (к середине декабря 1933 г. на Северо-Западный Кавказ прибыло 105 эшелонов с общим числом переселенцев 38 504 чел., из них мужчин – 19 499 чел., женщин – 11 388 чел., детей – 7 617 чел., в том числе: коммунистов – 4 201 чел., комсомольцев – 3 527 чел. [19]), ответственные за переселение отмечали, что за октябрь-декабрь 1933 г. сбежало из мест вселения более тысячи человек [20].

Основными причинами бегства были помимо указанных недочетов при вербовке, ряд дефектов допущенных на местах при расселении и хозяйственном устройстве переселенцев, под влиянием агитации антисоветского элемента. Всего бежало с Кубани и Ставрополя 1 638 чел. / из них 554 побега предупреждены, в том числе по районам: Каневской район – 131/73, Усть-Лабинский – 79/35), Брюховецкий – 197/77, Тихорецкий – 203/62, Кореновский – 67/40, Кропоткинский – 27/14, Павловский – 190/77, Славянский – 157/56, Краснодарский – 127/64, Тимашевский – 105/34, Куцеский – 49/0, СтароМинской – 135/5, Курганинский – 7/0, Ейский – 93/0, Армавирский – 44/11, Белореченский – 9/0, Майкопский – 2/0, Ессентукский – 7/0, Воровсколеско-Александровский – 9 чел. / из них 6 побегов предупреждены [21].

Из числа бежавших переселенцев основная масса приходится на одиночек – 90,5%, семейные составили соответственно 9,5%, среди них большое количество групповых побегов. Не принесла желаемого результата и идеологическая подготовка, 43,7% бежавших были коммунистами и комсомольцами. В связи с массовым характером возвратной миграции в документах появляется термин «обратничество».

Вместе с тем, значительная часть переселенцев остается на новых местах жительства. Разоренная коллективизацией, высылкой и голодом станица не способна была противостоять государственной переселенческой программе.

Проведенные компенсационные миграции в общих чертах решили возникшую демографическую проблему в регионе. Переселенцы были, как правило, выходцами из крестьян, они довольно быстро адаптировались к трудовой деятельности станиц, гармонично вписавшись, насколько можно говорить в этой ситуации, в хозяйственную и повседневную жизнь.

По воспоминаниям И.Л. Полежаева, жителя станицы Уманской, только приезд переселенцев спас ее полное уничтожение. «Станица немного ожила. Правда, здесь главную роль играют теперь переселенцы – белорусы, народ крепкий, надежный, трудолюбивый и симпатичный. Для станицы их приезд равносителен вливанию крови в организм умирающего человека, что его и спасает в конечном счете. Своими собственными глазами увидел я эту агонию. Боль и ужас в сердце» [22, с. 57].

Несмотря на компенсационные переселения, численность населения региона существенно уменьшилась. Смерть людей репродуктивного возраста, высокая детская смертность существенным образом повлияли на численность населения Кубани и Ставрополя, которая не смогла восстановиться и к концу 1930-х гг. Не подлежит сомнению, что это сказывалось на общем состоянии страны, подрывало ее потенциал, не говоря уже о психологическом состоянии населения районов, охваченных голодом, бессилии, подавленности, страхе и т.п. Речь идет не о сотнях и тысячах погибших от голода и репрессий, а о гораздо большем числе человеческих жизней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Станица Полтавская стала одной из первых среди «наказанных» станиц Северо-Западного Кавказа, ее жители были высланы практически полностью в северные районы за срыв хлебозаготовок. На место высланных казаков поселяются красноармейцы и станица меняет название на Красноармейская. Сегодня станице возвращено старое название.

2. Тархова Н.С. Участие Красной Армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932/1933 г. (по материалам РГВА) // Голос минувшего: кубанский исторический журнал. URL: <http://journal.hist.kubsu.ru/2009/01/27/uchastie-krasnoj-armii-v-zaselenii.html> (Дата обращения 12.01.2012).
3. Радин А., Шаумян Л. За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в Северные края. Ростов н/Д, 1932.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.
5. О результатах вербовки демобилизованных красноармейцев в Азово-Черноморский и Северо-Кавказский края и о вызванных вербовкой расходов: Соглашение с Центральным Военно-Кооперативным управлением от 29 декабря 1933 г. о продовольственном снабжении переселенцев в пути, отчет о вербовке демобилизованных красноармейцев в Азово-Черноморский и Северо-Кавказский край и переписка с начальником финансового управления РККА о выдаче пособий переселенцам // РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 63. Л. 8.
6. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 63. Л. 9.
7. Там же.
8. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.
9. Там же.
10. Там же. Л. 14.
11. Отчетное политдонесение Политотдела Ново-Пластуновского МТС за период с начала работы, т.е. с 16 января по 16 ноября 1933 г. // Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 80691. Оп. 1. Д. 4. Л. 280.
12. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.
13. Тархова Н.С. Указ. соч.
14. Там же.
15. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 36.
16. Там же. Л. 20.
17. Там же. Л. 28.
18. Там же. Л. 37.
19. Там же. Л. 26.
20. Там же. Л. 28.
21. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 22.
22. Дневники Ивана Лазаревича Полежаева (1930-е гг., ст-ца Уманская) // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). 2002. № 3.